

УДК

372.893(470/571)+371.64/.69

ББК 4426.632-286.2

ГСНТИ

03.0145

Код ВАК

13.00.02

Е. С. Соколова

Екатеринбург

**О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ
СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
СТРАТЕГИЙ : ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ
НОВОГО УЧЕБНИКА ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: единый учебник по истории, методология исторического исследования, понятийный аппарат, самодержавие, сословно-представительная монархия, абсолютизм, современная историография, историко-сравнительный метод.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме разработки понятийного аппарата современного учебника по отечественной истории с учетом новейших методологических конструкций, изложенных в доступной для понимания учащихся форме. Автор рассматривает данную проблему на примере предложенной в новом образовательном стандарте трактовки понятий «самодержавие», «сословно-представительная монархия» и «абсолютизм». В статье сделан вывод об эклектичности научных подходов, избранных для сопоставления российской и западных моделей данных государственно-правовых институтов раннего Нового времени. Критикуется отсутствие четких дефиниций, допущенных составителями концепции нового единого учебника по истории при составлении перечня понятий, обязательных для изучения школьного курса истории в его сравнительно-историческом аспекте.

E. S. Sokolova

Yekaterinburg

**ON THE METHODOLOGICAL PROBLEMS OF
MODERN SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL
STRATEGIES: CONCEPTUAL APPARATUS OF A
NEW TEXTBOOK ON RUSSIAN HISTORY**

KEY WORDS: single textbook on the history, methodology of historical research, the conceptual apparatus, Autocracy, estate-representative monarchy, absolutism, modern historiography, historical and comparative method.

ABSTRACT. The article deals with the development of the conceptual apparatus of the modern textbook on Russian history with the latest methodological designs contained in an intelligible form students . The author considers the problem on the example offered in the new educational standard treatment concepts of " autocracy ", " estate-representative monarchy " and " absolutism ." The article concluded that the eclectic scientific approaches selected for comparison of Russian and Western models of data state and legal institutions of early modern times. Criticized the lack of clear definitions of the concept of committed new single history textbook to compile the list of concepts for the study of mandatory school history course in his comparative- historical aspect.

В последнее время вузовская общественность бурно обсуждает возможные научно-образовательные и культурно-исторические последствия новой концепции единого школьного учебника истории, создающей серьезную угрозу для формирования креативного потенциала интеллектуально развитой личности. Официальная парадигма исторического процесса, предложенная участниками инициированного властными структурами образовательного проекта, отличается отсутствием продуманного методологического подхода к дискуссионным проблемам российской истории. Помимо этого новый историко-культурный стандарт, взятый за основу разработки учебно-методического комплекса для базовых и профильных классов, отличается явной тенденцией к описательному изложению материала без должного внимания к смысловому значению понятий и терминов, имеющих весьма неоднозначную трактовку в исторической и историко-правовой науке.

Многообразие существующих сегодня школьных учебников по российской истории справедливо вызывает нарекания со стороны родителей и учащихся чрезмерной вариативностью историографических интерпретаций. Вероятно, справедлив и упрек в чрезмерной наукообразности ряда учебных изданий, рассчитанных на школьников среднего и

старшего звена. Тем не менее, ярко выраженное стремление бюрократической элиты и части научного сообщества к превращению школьного курса в повествовательный цикл, состоящий из нарочито сублимированных сюжетов исторического содержания, вместо заявленного обретения национальной идентичности может привести к обратному результату. Маловероятно, что в постсоветском обществе, значительная часть которого в силу ряда исторических причин проявляет последовательный интерес к «нетрадиционной» истории, можно сформировать толерантное отношение к возможности создания единого научно-образовательного пространства в сети Интернет. Решение этой поставленной «сверху» задачи осуществляется авторами проекта с помощью создания очередного историографического мифа об отсутствии цивилизационных различий между Россией и Западом на основе поверхностных сопоставлений и некорректных аналогий.

Теоретико-методологическая несостоятельность выдвинутого разработчиками новой интеллектуальной модели школьного учебника проявляется, прежде всего, в наличии огромного количества противоречивых концептов. Их наличие объясняется не только намеренной эклектичностью подходов к «трудным» вопросам, но и желанием избежать каких-либо оценочных суждений вообще, за исключением исторических клише, заявленных в пояснительной записке. Рассуждения авторов о кардинальной роли историко-антропологического подхода в эффективном формировании мировоззрения учащейся молодежи наряду с необходимостью усиления культурологического компонента в изучении поведенческих стратегий и образа мышления людей прошлого представляют собой лишь весьма блеклое отражение модных историографических тенденций при отсутствии продуманной структуризации исторического материала по периодам и эпохам. При этом наибольшие возражения вызывают концептуально непродуманные разделы стандарта, посвященные истории культуры, с перечнем обязательных для изучения артефактов, и производящие самое удручающее впечатление формальным отношением к национальному наследию наших предков.

Создается впечатление, что методологический эклектизм, положенный в основу разработки новой программы изучения истории, служит своеобразной теоретико-практической ширмой для возвращения в систему школьного образования формационного подхода, «очищенного» от наиболее однозначных идеологем марксистской историографии. Это хорошо прослеживается на уровне фигурирующего в проекте соотношения между социально-экономическим и политическим факторами исторического процесса в ущерб последнему. Тот же подход присутствует и в рамках явной тенденции к возвращению в образовательное пространство конструкции «дворянской империи», основанной на политике закрепощения крестьян при полном игнорировании тягловых элементов правового статуса других сословий, включая и самое привилегированное. Вызывает возражение и стремление авторов вынесенной на обсуждение концепции единого учебника по мере возможности «затушевать» проблему доминирования государственной власти над сложно стратифицированным обществом, особенно применительно к переломным периодам российской истории.

Сами по себе отмеченные недостатки и просчеты заявленного стандарта нельзя, конечно, расценивать как свидетельство его полной непригодности к практической реализации. Настораживает тот факт, что их наличие создает негативную тенденцию к отсутствию в новой образовательной парадигме продуманного обязательного минимума систематизированных исторических знаний, необходимых выпускникам школ для получения дальнейшего образования в области наук гуманитарного цикла, включая такие социально значимые сферы деятельности, как педагогика и юриспруденция. Не способствует новый стандарт и выработке навыков аналитического мышления, которое может быть сформировано лишь на основе научно корректного обращения к историко-сравнительному методу, не предполагающему изначального тождества сопоставляемых явлений, институтов и процессов.

Помимо этого, любой акт мышления, в том числе, и направленный на формирование исторической памяти,

осуществляется в рамках научно-категориального аппарата, естественно, транспонированного с учетом возрастных особенностей и менталитета школьников. Игнорирование этой столь очевидной аксиомы той частью научно-академического сообщества, от которой в наибольшей степени зависит конечный результат исторического образования в России, свидетельствует, не только о приоритете прагматических соображений над проблемой формирования интеллектуальной элиты общества, но и преждевременности проекта, постулированного в условиях методологического кризиса отечественного историописания. Его наиболее очевидное проявление заключается в поверхностной корректировке отдельных элементов научного инструментария в ущерб воссозданию целостной, концептуальной и доступной для восприятия подростков картины прошлого.

Между тем вопрос о дальнейших перспективах школьного и вузовского исторического образования в условиях перехода на двухуровневую систему обучения студентов на фоне последовательной формализации критериев модульно-рейтинговой системы носит отнюдь не риторический характер. Тенденция к сокращению учебных планов бакалавриата до стандартов среднего специального образования сопровождается сегодня закрытием теоретических специальностей в магистратуре. Это существенно повышает роль школьных курсов, приобретающих значение базового стандарта для высшего профессионального образования, и в то же время создает объективные препятствия для формирования научной эрудиции студентов.

Недооценка роли исторических знаний в выработке профессионального мышления будущих гуманитариев, имеющих широкие возможности профориентации после окончания вузов, в значительной мере вызвана общим падением культурно-образовательного уровня современного российского общества. Существенным фактором неуклонного снижения социального престижа исторической науки является и отсутствие серьезных концептуальных корректировок в вузовской учебной литературе последних десятилетий. До недавнего времени невмешательство в научные дискуссии

конкретно-исторического и методологического характера было свойственно, прежде всего, авторам учебников историко-правового цикла. Утверждение нового школьного стандарта в области преподавания «чистой» истории создает питательную среду для стагнации вузовского исторического образования в целом, вынужденного, так или иначе, приспособляться к уровню теоретических знаний, полученных выпускниками общеобразовательных школ.

В частности, знакомство с концепцией нового школьного учебника сразу же выявляет отсутствие теоретико-методологической основы использованного при ее разработке понятийного аппарата. Прежде всего, это касается таких спорных применительно к России раннего Нового времени концептов, как «абсолютизм», и «сословно-представительная монархия». Их консенсуальная природа почти не вызывает сомнений в современном научном сообществе даже в контексте истории стран европейского Запада, политические реалии дали жизнь этим умозрительным теоретическим конструкциям рационалистических учений о государстве и историографии. Хорошо известно, что марксистская теория абсолютизма, основанная на концепции равновесия между дворянством и буржуазией наряду с выявлением национальной типологии абсолютных монархий, вызывает сегодня серьезные разногласия своей идеологизированной парадигмой и отсутствием серьезного подтверждения на уровне исторических, (прежде всего, законодательных и делопроизводственных) источников. Те же причины заставляют многих исследователей сомневаться и в естественно-правовой модели абсолютной монархии, сконструированной в политической философии Т. Гоббса и представляющей научный интерес, прежде всего, как образец особого исторического архетипа монархического государства.

В западноевропейской государствоведческой традиции понятие «абсолютизм» известно с XIV в., когда под влиянием сэра Д. Фортегью, возникло противопоставление «свободной» парламентской Англии и «деспотической» королевской Франции. Свою вторую жизнь оно обрело в рамках либеральной историографии XIX столетия, и

продолжало использоваться западными историками и в 1970 – 1980-х гг в дискуссии о соотношении абсолютистской доктрины с государственно-правовой системой французской монархии периода правления Людовика XIV. Теоретические результаты этого спора пока слабо востребованы российской исторической наукой последнего десятилетия с ее тенденцией к уходу от методологических проблем корректировки понятийного аппарата к разработке локальных сюжетов. Другая крайность наблюдается в историко-правовой литературе, где понятие «абсолютизм» до сих пор используется как синоним деспотической монархии, в которой не остается места для политической активности сословно-представительных учреждений.

Тем не менее, многие соображения, высказанные зарубежными коллегами на основе изучения актов деятельности местных французских парламентов и провинциальных штатов, заслуживают серьезного внимания и могут использоваться в сравнительно-исторической плоскости, в том числе и в образовательных целях. Например, важная смысловая нагрузка с точки зрения методологических подходов к проблеме абсолютизма содержится в точке зрения, высказанной некоторыми зарубежными исследователями о наличии практических ограничений, с которыми сталкивалась королевская власть во Франции второй половины XVII в., которую принято считать периодом расцвета абсолютной монархии. В частности, монарх не обладал столь неограниченными прерогативами, чтобы нарушать закрепленные обычаями права подданных или же вводить новые налоги без их согласия. Из прагматических соображений Людовик XIV нередко был вынужден идти на компромисс с частными лицами, играя роль арбитра между различными слоями аристократической элиты и маловлиятельными оффисье, претендующими на получение дворянского звания за безупречную государственную службу. Помимо этого любое правомочие, присвоенное монархом, подлежало трансформации на основе местных законов и обычаев, а сословные корпорации нередко брали на себя миссию удерживать действия короля в рамках законности и правопорядка.

Несложно заметить, что сословная политика российских самодержцев императорского периода тяготела к той же социально-политической модели. Принцип выслуги дворянского статуса, окончательно санкционированный в «Табели о рангах», был основан на притязании монарха на роль посредника между неоднородным по своему составу дворянством и разночинцами, имеющими позитивный опыт государственной службы. О консенсуальной основе сословного законодательства в отношении «наиболее полезных» для самодержавного государства сословий свидетельствует и разработка комплекса Жалованных грамот 1785 г., направленного на приобретение юридических «выгод» за добросовестное выполнение каждым человеком обязанностей своего правового состояния. Учитывая относительную гибкость российского законодательства XVII - первой половины XIX столетий в его стратификационном аспекте, многие зарубежные авторы отказываются сегодня от оценки России как деспотического, т. е. абсолютистского государства. Сегодня в мировом историческом сообществе, включая ведущих отечественных историков, принято типологически относить государство периода правления первых Романовых и Российскую империю XVIII в к монархиям раннего Нового времени, что, в свою очередь влечет за собой новые методологические проблемы.

Одна из них заключается в типологической разнородности данного феномена. Единственным общим формально-юридическим критерием европейской монархической государственности XVI – XVIII вв. можно признать лишь ориентацию суверена на принцип законности. Безоговорочное признание подобной концептуальной модели возможно лишь в качестве одного из вариантов временного профессионального соглашения, основанного на необходимости использования общего понятийного аппарата в научных и образовательных целях. Еще Ш.-Л. де Монтескье справедливо указывал на «открытость» идеи законности, позволяющую обращаться к ней на волне разного рода политических спекуляций, прикрывающих деспотическое содержание законов. Их наличие или отсутствие в официальной идеологической

доктрине монархических государств европейского Запада и Востока во многом зависело от конкретных исторических условий, уровня правосознания правящей элиты и особенностей правовой культуры различных сословных категорий общества.

Не вызывает сомнения, что общая цель монархий раннего Нового времени заключалась в укреплении принципа централизации верховной власти, способной модернизировать наиболее архаичные структуры феодального общества и государства с целью поддержания жизнеспособности монархического принципа. Проблема заключается в том, чтобы выявить единичные варианты данной политики применительно к конкретным политическим системам, включая Российскую империю, и показать их отличия на уровне отношения правящей элиты к идеалу законности и наиболее эффективным в той или иной исторической ситуации механизмам регулирования стратификационными процессами.

Итоговый тезис сторонников пересмотра традиционной концепции абсолютизма заключается в утверждении, согласно которому европейские монархии, существовавшие в историко-правовых рамках *ancient régimes*, характеризуются наличием как «консультативных», так и «прерогативных» механизмов. Монархия могла быть легитимной только при условии гармоничного сочетания элементов личной королевской власти с политической активностью органов сословного представительства. Таким образом, концепция абсолютизма оценивается сегодня как умозрительная теория, основанная на конституционных представлениях второй половины XIX в.

Понятие «абсолютизм» не исчезло, однако, полностью из современного научного лексикона. Оно часто встречается на уровне конкретно-исторических «штудий», посвященных сравнительному анализу социальных и геополитических условий функционирования монархических государств Европы до 1789 г. Некоторые исследователи ориентируются в своих оценках на теорию общественного прогресса, подчеркивая при этом модернизационный потенциал абсолютизма в его «просвещенной» форме. В целом же, обращение к проблеме абсолютизма влечет сегодня за собой крайнюю осторожность в дефинициях с обязательным акцентом на их условность и

меняющееся содержание, с учетом темпорального аспекта и геополитических условий, в которых возникали и функционировали. Европейские монархии Нового времени.

Данная позиция представляется вполне оправданной, так как соотношение элементов консенсуализма и волевого проведения в жизнь прерогатив верховной власти, ограничивающих традиционные институты власти и управления, прослеживается на всех этапах истории большинства монархических государств раннего Нового времени. То же самое можно сказать и о социально-правовой политике, которая проводилась европейскими монархами для поддержания политического паритета между короной и органами сословного представительства. В этом отношении не является исключением и Российская империя, несмотря на длительное отсутствие в ее законодательстве формально конституированной сословной иерархии. Последовательно разрабатывая на уровне правовых институтов юридическую модель «законной монархии» надсословного типа, способную нивелировать социально-политические притязания отдельных социальных страт, российские законодатели раннего Нового времени, в конечном итоге, действовали в унисон с другими монархическими правителями европейского региона.

Сложность методологических подходов к проблеме абсолютизма, естественно, создает затруднения для выработки доступных интерпретационных стратегий ее изложения в учебных изданиях. Тем не менее, заявленная в новом историко-культурном стандарте актуализация сравнительно-исторического подхода неизбежно ставит на повестку дня вопрос о конкретизации смысловых значений понятийного аппарата. В этом отношении вынесенная на обсуждение научной общественности концепция нового школьного учебника отличается поразительной небрежностью к универсалиям, на основе которых планируется создание учебного текста. Отдавая дань сложившейся в последние годы тенденции к исчезновению понятия «абсолютизм» в его традиционном ключе со страниц большинства научных исследований по истории России, участники образовательного проекта не смогли определить свою методологическую позицию

в отношении наличия или отсутствия абсолютистских тенденций в российском самодержавии различных периодов его существования.

В перспективе это ведет к созданию эклектичного учебно-методического комплекса, который будет содержать противоречивые дефиниции и основанные на них трактовки конкретно-исторического материала, создавая у учащихся крайне хаотичное представление об исторических событиях при полном неумении проанализировать их сущность в категориях общепринятого понятийного аппарата. Авторы пояснительной записки и изложенного далее историко-культурного стандарта исходят, например, из идеи тождества самодержавия в средневековой Руси с самодержавными тенденциями Российской империи XIX – начала XX вв., не разграничивая исторической составляющей данного понятия применительно к разным этапам существования монархического государства. Заявленная ими попытка решить этот сложный методологический вопрос, характеризуя самодержавие XVI – XVII вв. как сословно-представительную монархию, сразу же порождает новые затруднения интерпретационного характера. В частности, много вопросов вызывает тенденция к осмыслению эпохи первых Романовых с ее тенденцией к усилению активности Земских Соборов как периода укрепления самодержавия и оформления абсолютизма без убедительного разграничения этих понятий, осмысленных на основе произвольного синтеза классических конструкций советской историографии и новейших выводов о деспотической сущности абсолютистского архетипа.

Сомнительно выглядит и допущенное авторами утверждение о высокой политической роли местного самоуправления, самостоятельность которого в решении общегосударственных дел подтверждается только историческими источниками периода Смутного времени. Возможность появления подобного анахронизма, вероятно, можно объяснить компромиссным подходом к решению «трудных» вопросов российской истории, цель которого заключается в том, чтобы по мере возможности нивелировать деспотические тенденции средневековой государственности,

неизбежные при форсированных темпах ее централизации. Вероятно, по той же причине проект акцентирует внимание на необходимости сравнительно-исторического изучения сословно-представительных монархий России и ведущих монархических государств Запада XVI – XVII вв., с тем, чтобы выявить тождество в формировании институтов сословного представительства. Некорректность обращения к компаративизму для решения данной проблемы вполне очевидна, учитывая наличие в европейском мире государственно-правовых и социально-политических реалий, которые, в силу ряда исторических обстоятельств, не сложились в Московской Руси.

Отсутствие методологической определенности проявляется и в утверждении о том, что формирование абсолютизма, начатое еще в ходе укрепления монархической власти при Иване IV, завершилось в ходе реформ Петра I. Само по себе это утверждение не является новым, так как оно получило последовательное развитие в советской историографии второй половины XX в. и сопровождалось разработкой убедительной аргументации в русле бытовавшей тогда научной парадигмы. Новое прочтение данной проблемы не отличается безукоризненной научной логикой, так как допущенная в официальном стандарте методологическая неопределенность приводит к полному игнорированию политико-правовых характеристик абсолютизма в пользу утверждения о продворянской и крепостнической сущности России времен Петра I без учета тенденции к формированию модели «законной монархии» на основании просветительских концептов западного протестантизма.

Следует отметить, что понятие «абсолютизм» фигурирует в стандарте применительно к характеристике исторических реалий Российского государства и его социальной структуры периода XVI – XVIII вв. и затем исчезает из понятийного инструментария без должных методологических оснований в пользу конструкции «самодержавия». Ее абстрактность, при полном отсутствии каких бы то ни было теоретических выводов о наличии тождества или, наоборот, типологических различий между самодержавием московских

государей и самодержавной традицией Российской империи XIX – начала XX вв., является весьма серьезным недостатком нового стандарта. Нет никаких сомнений, что, несмотря на отдельные корректировки некоторых концептов, которые, вероятно, будут допущены под влиянием научной общественности, в целом, концепция нового учебника останется эклектичной и методологически неубедительной в угоду соображениям политической конъюнктуры. Трудно сказать, насколько оправдаются в ближайшем будущем расчеты российской политической элиты на воспитание молодого поколения толерантных российских граждан при помощи старательно «причесанного» курса истории, не дающего ответа на вопрос о причинах нынешнего кризиса нравственных, политико-правовых и патриотических ценностей. Зато совершенно очевидно, что любая трансформация исторической памяти, осуществленная на основе сотворения прекраснодушного мифа о самих себе, всегда таит в себе опасность отчуждения властных структур от гражданского общества и индивида от любых ценностных установок, транслируемых на официальном уровне. Сон разума, ведущий к мифологизации прошлого в массовом историческом сознании, способствует формированию чувства национальной исключительности. Его кратковременный «терапевтический» эффект в дальнейшем лишь усилит кризис политической системы и спровоцирует недовольство части российского населения нерешенностью социально-экономических проблем.